

Феникс после мороза

Эвийа от Ритарха был сегодня разбужен солнечным светом позже обычного почти на треть цикла. Осознав себя полностью, он первым делом взглянул на небо и с негодованием отметил, что соседское жилище за ночь выпустило новые листья, практически полностью заблокировав рассветные лучи солнца. С этим, безусловно, нужно было что-то делать. Неконтролируемый эгоизм соседа не знал границ – его дом разрастался совершенно наглым образом, игнорируя потребности окружающих. Можно было, конечно, начинать ответную атаку и отдать команду своему жилищу вступить в войну за свет, или же попытаться официальным путем подать сигнал в главный мозг поселения, чтобы наглеца урезонили, так сказать, сверху. Однако, Эвийу сегодня ждало настолько волнующее событие, что он решил отложить на потом коммунальные дрызги и поскорее поспешил на работу. Найдя нужную жилу в транспортном стебле, он вскрыл поверхность и погрузился в питательную жидкость. Четверть цикла, которая уходила на путешествие внутри стебля к месту раскопок, как обычно, совмещалась с процессом питания, так что на работу Эвийа прибывал уже полным сил и энергии.

Волнение ученого объяснялось просто – считанные дни, а возможно и часы, отделяли его от великого открытия, способного перевернуть все взгляды на историю планеты. Вероятность, что уже сегодня многолетние труды рода Ритарха увенчаются успехом, была как никогда велика. Неделю назад Эвийа в ходе раскопок наконец обнаружил то, что по мнению его оппонентов являлось плодом больного воображения – Машину.

Около семи лет назад А-родитель Эвийи, Эри от Ритарха, высказал гипотезу, что существующие взгляды ученых на проблему исчезновения предшествующей цивилизации неверны. Внезапное исчезновение всех письменных документов на растительной основе, которое случилось за пару веков до окончательного исчезновения «людей», как они сами себя называли, не свидетельствует о деградации и вырождении этого рода, а наоборот – говорит о том, что мыслительный процесс старой цивилизации окончательно оторвался от растительных корней и перешел на некий новый уровень, не нуждающийся в физических носителях.

Представители других родов тогда подняли Эри на смех, посчитав его идею безумной. Эри, не выдержав нервного напряжения, вскоре зачах и погиб, однако, его молодой побег, Эвийа, решил продолжить развивать эту теорию в тайне от научного сообщества. Внимательно исследовав сохранившиеся документы от «цивилизации льда и холода», как ее называли сейчас, он решил, что упоминания о необъяснимых для его современников странных объектах – машинах - вовсе не объект религиозного поклонения, как было принято считать. Машины были реальны. Именно они и были той самой ступенькой для перехода на совершенно иной уровень сознания и передачи информации, о котором говорил его А-родитель.

Полностью погрузившись в изучение погибшей цивилизации, Эвийа все больше и больше проникался сначала любопытством, потом уважением, а затем даже некоторой любовью к давно исчезнувшим разумным существам. Родившиеся в суровое время наступления ледникового периода, люди были вынуждены вести совсем иной образ жизни, постоянно воюя с окружающим миром, строя убежища и жилища из материалов, способных выдерживать предельно низкие температуры. Конечно, такой путь давно уже признан тупиковым и современная цивилизация оплела зеленью всю планету, умело распределяя солнечное тепло, влагу и питательные ресурсы в масштабах всей земли, не допуская ни чрезмерного охлаждения, ни нагревания или высушивания отдельных участков. Но какая-то красота в такой обреченной на поражение борьбе с окружающим миром, безусловно, была.

Примеряя реалии и проблемы окружающего общества на цивилизацию людей, Эвийа не мог не отметить, что многие существующие недостатки были чужды этой расе, живущей среди льдов. Например, мелочное эгоистичное поведение соседа, постоянно перекрывавшего солнечный свет

для ученого, никак не соответствовало тому духу взаимовыручки, который, судя по книгам, был свойственен людям. Эгоисты просто не могли выжить в постоянной борьбе с внешними угрозами.

Особенно молодого ученого привлекала любовь среди людей. Такая любовь, которая только и могла появиться в таких условиях жесточайшего холода. Судя по всему, она не имела ничего общего с аналогичными чувствами современников. Никакого разбрасывания спор, как в некоторых родах, никаких перекрестных осеменений, как в роду Ритарха. Теплые чувства взаимной любви от мыслей о совместном потомстве были очень далеки от того, что он читал. Даже долгий отбор одного партнера, как в роду Вирантов не имел ничего общего с любовью снега и холода. Люди выбирали одного партнера на всю жизнь, завоевывали его благосклонность подвигами, доказывали свои чувства мыслями, словами и делом. С одной стороны, эта любовь была холодна и бесплодна – она часто вообще не приводила к появлению потомства. Такое чувство было источником проблем и часто даже являлось причиной гибели. Холодная любовь была опасна и горяча как огонь, в противоположность окружающему людей царству снега. Она губила, но она же приводила к рождению удивительных подвигов.

Эвийа с упоением читал любовные романы на всех четырех языках людей, которые он успел выучить, не забывая, однако, и про иную литературу – касающуюся машин.

Пиком развития в безуспешном противостоянии с планетой были машины. Люди придумали посредников, позволяющих им не участвовать лично в создании средств борьбы – такими были одни из первых машин. Прежние обитатели Земли не выращивали адаптированные под нужды организмы. Люди создавали мертвые конструкции из мертвых материалов и каким-то образом смогли вдохнуть в них псевдо-жизнь. Осознав этот факт, Эвийа наконец совершил первое открытие: даже псевдо-живые машины на определенном этапе развития должны были научиться общаться друг с другом. Это значит, что должен был появиться новый язык – язык машин, полностью оторванный от растительной основы языка людей.

Начав искать соответствующие документы, он нашел плохо сохранившиеся остатки растительных носителей языка самого последнего периода, предшествующего окончательному исчезновению письменности. Заинтересовавшись странными узорами в виде полосок и точек на некоторых носителях, Эвийа смог найти и их описание. Это были переводы языка людей на язык машин. Та самая недостающая ступенька в эволюционном процессе, предложенным его предком. Очевидно, что следующим шагом был окончательный переход людей на общение на языке машин, полностью недоступном для уровня развития современной цивилизации.

Казалось бы, на этом можно было бы заканчивать исследование и представлять его научному сообществу, но Эвийа несколько опасался судьбы своего предшественника и все жаждал новых доказательств – и неделю назад он их нашел. Корни раскопщиков проникли особенно глубоко и наткнулись на замкнутый сосуд из мертвого материала. Процессы окисления так истощили его, что, освободив от верхнего слоя почвы, Эвийа без труда смог вскрыть его и проникнуть во внутрь. То, что он нашел в этом мертвом жилище потрясло его: он нашел жилище Машины.

То, что это сооружение из мертвых материалов было Машиной не вызвало сомнений. Благодаря надписям и буквам на некоторых выступах, Эвийа смог даже немного разобраться, что все они были предназначены для общения представителя цивилизации людей с Машиной. Молодой ученый потратил целую неделю на исследование всех надписей и уже был практически уверен, что в общих чертах понимал способ общения людей и Машины.

Масштабы Машины поражали. Эвийа впервые задумался – верно ли его современники понимали размер представителей расы людей. Устоявшимся мнением было то, что по размерам люди соответствовали среднему обитателю Земли сейчас. Однако, если исходить из того, что эти выпуклости должно быть удобно нажимать, то люди были просто огромны. Для того, чтобы иметь

возможность воспользоваться этим способом общения с машиной, ученый вырастил специальные удлинители конечностей, которые превращали его в неуклюжее создание, однако способное, если возникнет необходимость, говорить с Машиной на ее языке.

На этом этапе дух авантюризма окончательно овладел Эвийа. Он решил не просто рассказать свою гипотезу ученым всего мира, не только предъявить машину с явным доказательством особого языка взаимодействия с ней. Романтическое восприятие эпохи людей, холода и снега, а также реальная возможность соприкоснуться с этой культурой, пусть и посредством машины толкнула его на совершенно, казалось бы, безумный шаг – попробовать активировать машину. Именно поэтому сегодня все утро им владело крайнее возбуждение. Если все получится, сегодня он будет говорить с Машиной.

Ученый уже понял, что электрический потенциал был необходимым условием для работы машин. В современном обществе электричество использовалось не так часто, однако, временами для электролиза воды использовались специальные неразумные ростки, способные выделять большие заряды электричества. Эвийа не знал, сколько именно потребуется машине, поэтому подсоединил несколько электрогенерирующих ростков к своей нервной системе, чтобы контролировать вырабатываемый потенциал на тонком уровне и решил увеличивать их мощность постепенно. Он уже нашел то, что когда-то нарушило работу машины давным-давно – электричество поступало в нее извне по мертвым минеральным стеблям, некоторые из которых оказались перебиты непосредственно перед входом в полость, в которой находилась машина. Другая пачка стеблей, уходивших куда-то еще глубже в землю вроде была цела, но электромагнитных колебаний в них тоже не было. Их изучение Эвийа решил отложить на потом.

Он уже предположил какой именно выпуклостью активируется машина, и, постепенно наращивая электрический потенциал на входе в минеральные стебли машины, периодически пробовал надавить на нужную выпуклость. Первую половину цикла ничего не происходило, хотя мощность электрогенерирующих растений уже использовалась больше, чем на половину. Отгнав отчаянную мысль, что за столько лет Машина окончательно пришла в негодность, и активировать ее не получится, он резко усилил потенциал и еще раз надавил на выпуклость.

И тут произошло чудо.

Глянцевая, словно поверхность воды, плоскость засветилась и на ней появились буквы.

От радости, Эвийа совершенно потерял самоконтроль – ему хотелось срочно выскочить на солнечный свет и дать множество новых побегов. Через некоторое время он овладел собой и заставил себя все-таки вчитаться в те бегущие строки, которые показывала ему машина. Скорости чтения незнакомого языка не хватало, чтобы успеть осознать все, но кусочно Эвийа мог осознавать то, что ему говорила Машина. Самое главное – Машина жила и общалась с ним!

Она писала, что анализ окружающих условий закончен и результаты - оптимальные для жизни. Ученый испытал гордость за свою цивилизацию – они все-таки многого добились. Затем машина сообщила, что запускает что-то (Эвийа не знал значения нескольких слов, которые написала Машина) связанное с разморозкой. Само слово «разморозка» заставляло вспомнить те романтические часы, когда Эвийа читал о борьбе людей с холодом. Мысль о том, что же именно собралась размораживать машина, когда климат на земле везде равномерно теплый, промелькнула где-то на краю сознания, но восторг от общения с машиной пока затмевал голос разума.

Эвийа просидел возле машины еще четыре цикла. Он даже понажимал некоторые другие выпуклости – и машина послушно реагировала, рисуя на поверхности нажатые им символы.

Внезапно машина написала странную и необъяснимую фразу «начало разгерметизации» и в этот момент мир содрогнулся...

Несколько тонн земли съехали в сторону, хороня под собой миллионы жителей окраины поселения, где проживал Эвийа. Из распахнувшихся ворот огромного подземного бункера на свет появились невиданные огромные чудовища, лишь отдаленно напоминавшие людей с картинок из старых книжек.

- Кислород действительно в норме, бактериальный фон средний, - сказал один из троицы, поднявшейся на поверхность, стаскивая с себя шлем костюма химзащиты.

- Черт возьми, сколько же мы в анабиозе то были? - произнес второй, - Ты видел снимки с орбиты— вся планета покрыта какой-то плесенью или мхом. Даже океаны, - добавил он, с омерзением соскребая с подошвы слизь от раздавленных растений.

- Сколько же времени прошло? И что нас разбудило вдруг? Это же чудо какое-то. Судя по всему, автоматика в свое время сбойнула в единственном слабом месте – не разбудила нас после окончания оледенения.

- Не знаю пока. Я уже связался с автоматикой резервных станций – все спутники в порядке. Скоро получим ответ хотя бы о том сколько времени проспали – и мы и все остальное человечество на орбите. Кстати, команду на приземление первой очереди модулей я уже дал. Первая сотня тысяч людей будет на поверхности через пару дней. Надо очистить от лишней поросли тут пару гектаров. Для начала...

- Судя по анализам, почва снова плодородна. Более чем плодородна. Давай расчистим больше – можно уже начинать сажать семена из резервных запасов. Сотню тысяч надо будет чем-то кормить. Даже если все запасы еды сохранились – их месяцев на десять хватит, не более...

- Ваня. Слушай. Я ж только что до конца осознал. У нас все получилось. Мы все вы-жи-ли! – радостно воскликнул третий, до сих пор молча с упоением вдыхавший свежий теплый воздух.

- Давай старина выпьем по этому поводу вечером. А сейчас пойдем взглянем на центр управления.

Трое зашли в вскрытый растениями отсек бункера с центральным компьютером.

-Ты глянь, и тут плесень.

- Ты блин, Ваня, этой поросли спасибо сказать должен. Если бы не ее побеги, которые вон – глянь – до кнопки включения дотянулись – фиг бы комп включился. А так очень удачно все коротнуло, похоже.

Человек отодрал цепкие побеги, скомкал мягкое тело Эвийи в комок липкой слизи и выкинул за дверь.

- Буйная тут растительность теперь. Пойдем ка за огнеметом. Надо зачистить плацдарм...